

Андрей Волгин

БЫЛИНКИ

документальная фантастика

18+

Андрей Волгин

**Былинки. Документальная
фантастика**

«Издательство «Перо»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волгин А. Ю.

Былинки. Документальная фантастика / А. Ю. Волгин —
«Издательство «Перо», 2026

ISBN 978-5-00239-139-9

Автор этой книги исходит из того, что наша жизнь протекает одновременно в нашем, трехмерном, мире и в мире непроявленном, или в других измерениях, где находятся наши планы, идеи, сценарии еще не случившихся событий, наша память. Мы не знаем, откуда приходит и куда уходит наша душа. В данной книге представлены некоторые реально произошедшие эпизоды и приключения автора с их творческим осмыслением с точки зрения трехмерной и многомерной реальностей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00239-139-9

© Волгин А. Ю., 2026
© «Издательство «Перо», 2026

Содержание

Былинки вразброс	6
Философская ремарка	7
Внутри	10
Прогулка в маме	11
Роды	14
Особенности видения новорожденного	16
Папа	18
Страшный зверь ОС	19
Пока не забыл	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андрей Волгин
Былинки
Документальная
фантастика и размышлизмы

© Волгин, А. Ю., 2026

Былинки вразброс

«Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?»

С. А. Есенин. «Не жалею, не зову, не плачу...»

В своих желаньях я скупее не стал, скорее наоборот, а вот с памятью нужно разобраться.

Родился я давным-давно, в конце августа 1953 года в городе Москве, в Перово. Интересно, что в том году умер Сталин, но сделал он это еще до моего рождения, в марте, так что я его не помню. Воспоминаний от раннего детства у меня осталось очень много. У меня даже есть воспоминания этой жизни еще до моего рождения. Со Сталиным они никак не связаны.

Философская ремарка

Я пытаюсь описать и осознать через теперешнего «Я» то, что было или не было в реальности, но осталось в моей памяти как реально произошедшее. Вообще похоже, что люди, живя бок о бок друг с другом, пребывают в схожих, но альтернативных реальностях. Может быть, мы вообще живем на соседних Землях, перескакивая с одной Земли на другую, почти такую же, но все же с некоторыми отличиями в мелочах. По крайней мере, к такому выводу приходишь, поговорив и повспоминав прошедшее с тобой и твоими друзьями лет этак 40 тому назад, особенно если эти 40 лет вы не виделись. Так что я описываю то, что мне вспоминается сейчас, как мне это помнится тогда. Вообще, шутка, что сознание (еще одно знание) обозначает несколько сознаний, которые сосуществуют в одном человеке, имеет реальное подтверждение. Я не имею в виду шизофреников, у которых эти сознания рассинхронизированы из-за болезни. Я имею в виду самого себя, практически здорового молодого человека 72-х лет. У меня создается такое впечатление, что есть какое-то постоянное стратегическое, или максимальное, «Я», которое всегда бодрствует, все помнит и нейтрально в эмоциональной сфере. Совершенно непонятно, где оно находится, поскольку мало зависит, если вообще зависит, от имеющегося тела и происходящих событий. У меня есть такое подозрение, что оно находится чуть ли не в другом пространственно-временном континууме. И очень возможно, что это «Я» находится в «душе» как часть ее оперативной системы. Может быть, это «просто» склад информационных файлов, где фиксируется все, что с нами происходило до начала жизни и останется в бессмертии. А может быть, это тот самый дух, который присущ только развитым животным и человеку. Малая часть этой информационной системы занимает наше сознание. Это наше сознание высокомерно считает, что, собственно, это и есть наше «Я». Почему-то мы совершенно не обращаем внимание на то, что наше сознание очень легко можно затуманить наркотиками или алкоголем, мы постоянно «теряем» его, сознание, в различных стрессовых состояниях или при травмах. А потом, когда все позади, «приходим в себя». Вот мне и интересно, куда мы выходили. Вообще, каждую ночь мы выключаем сознание в очень интересном и жизненно необходимом состоянии – сне. Психиатры начиная с 19 века говорят о каком-то подсознании, личном и общественном бессознательном и прочем. В общем, наше сознание располагается где-то на поверхности большего информационного пространства. Туда мы «вытесняем» то, что не нравится нашему «Я» или травмирует нашу самооценку, туда мы «забываем» практически все, что было и не было, и оттуда приходят наши внутренние желания и мотивации. Остальные желания и мотивации навязываются нам социумом в интересах богатеньких и криминальненьких. У меня есть большое подозрение, что степень осознания объективной реальности оперативным «Я» сознанием может колебаться от нуля до максимального осознания, равного стратегическому «Я».

Вот я и решил попробовать попутешествовать по самому себе, абсолютно неизвестному и не исследованному.

Как я это делаю? А просто. Сначала я максимально повышаю уровень своего теперешнего «Я», используя медиативные техники, очищая и концентрируя имеющиеся энергетические ресурсы души, тела и сознания. По-простому, ложусь в койку, закрываю глаза и переносюсь в своей памяти в тот эпизод, в то время и в ту точку пространства, которые хочется вспомнить. Еще можно поиграть в «динамическую» медитацию. За основную идею я взял упоминание в книге Давид-Неэль Александры – «Мистики и маги Тибета» о беге магов через горы в Тибете. Маги бегали через горы по многу дней не останавливаясь. Если их остановить и разбудить, то они терялись и не знали, куда бежать дальше. Сама техника там не описана. Так что делаю это я «по мотивам» описанного. Пришел я к этой технике передвижения исключительно из-за ее удобства и моего возраста. Я продвигаюсь со скоростью быстрой ходьбы или медленного бега. Я вроде как бегу, но стопу ставлю плоско и не подскакиваю, как это делают бор-

зые бегуны. Я также не кручу тазом, как это делают профессиональные ходоки в спортивной ходьбе. Я продвигаюсь по горизонтали максимально ровно и плавно. В результате я не стираю коленные суставы и не трачу спину. Получается что-то вроде «скандинавской ходьбы», только быстрее и без палок, хотя полусогнутыми руками я двигаю весьма интенсивно. Так вот, сначала я разогреваюсь в движении, устанавливаю дыхание и прогреваю мышцы и связки. Потом начинается самое важное. Я визуализирую энергию, которая во время вдоха поднимается снизу, от земли, по спине, вдоль позвоночника, доходит до головы, и часть энергии поворачивает вниз, опускаясь к ногам при выдохе, а часть идет вверх для образования энергетической оболочки ауры – пузыря. Если что-то где-то работает не идеально, то я начинаю «продыхивать» энергией эту область более интенсивно. Через какое-то время все начинает струиться ровно и не требует моего внимания. Наступает время делать почти то же самое, но в противоположном направлении. Теперь при вдохе энергия идет сверху вниз по передней стенке спины-тела. Частью энергия проходит в ноги и в землю, а часть при выдохе начинает подниматься вверх, вдоль позвоночника. Когда и эти потоки энергии начинают двигаться легко и равномерно, я начинаю представлять, как обе формы энергии снизу и сверху начинают струиться одновременно. Получается, что энергии одновременно идут вверх и вниз, образуя внутренние силовые линии, а энергия, прошедшая вверх и вниз за пределы тела, замыкается вокруг меня, образуя этакое энергетическое яйцо. Примерно так, как выглядят силовые магнитные линии, если магнит положить на бумагу и обсыпать железными опилками. Яйцо получается похожим на мыльный пузырь. Оно имеет вход-выход к телу в области головы и между ног. Центральные силовые линии уходят к Земле и в космос многомерных пространств, а остальные загибаются и образуют стенки пузыря. К этим стенкам спереди тела и сзади, со спины, подходят такими узенькими воронками-смерчками энергии от чакр. В месте соединения с пузырем центральные силовые линии идут куда-то вовне, в многомерный интернет, а боковые соединяются с общим пузырем. Образовавшийся большой пузырь с инфраструктурами многомерных связей также переливается разными цветами, динамически передвигается вместе со мной и не лопается. Поначалу я очень тщательно следил за формированием пузыря-ауры, его структуры и функции. А сейчас мне достаточно начать бег, как он формируется самостоятельно, на рефлексах. Правда, почему-то мое отрешенное передвижение в пузыре динамической медитации вызывает у окружающих сильные эмоции. Очень часто притормаживают траки – маленькие грузовички, наполненные разноцветной молодежью. Они громко поддерживают меня криками: «Не сдавайся! Ты сделаешь это! Мы с тобой!» – и другими «поддерживалками» и «кричалками». Встречные бегуны и просто пешеходы улыбаются мне улыбкой Моны Лизы, а собачники обходят по большой дуге по газонам, дабы не вводить своих питомцев во искушение познакомиться со мною поближе. В общем, войдя в образ динамической медитации, я могу, особо не обращая внимание на происходящее вокруг, погрузиться в недра своей памяти.

Для этого нужно представить картинку былого, иногда запах или звук того времени. Можно просто выразить пожелание, скажем – хочу вспомнить процесс своего рождения или, скажем, самые ранние воспоминания о родителях. Или вообще необычные случаи в жизни, о которых я ничего не знаю и не помню. Главное, что через собственное намерение можно добраться до любого момента своей жизни, который запомнило мое стратегическое «Я». Как только перенос происходит, мое теперешнее «Я» начинает «осматриваться» в прошлом. Поначалу это может быть не очень четкая картинка или какой-то эпизод из прошлого. А вот потом там, в прошлом, можно смещаться по оси времени вперед или назад, возвращаясь к наиболее интересным моментам, рассматривая их опять и опять. Причем появляется все больше и больше деталей вплоть до настоящего переживания прошедшего как реального настоящего. Вот тут и начинается самое интересное. Стратегическое «Я» дает реальную и объективную информацию о происходящем, а мое теперешнее «Я», исходя из нынешнего осознания, может просмотреть эпизод прошлого и пережить его еще и еще раз, внося собственные суждения,

мнения и эмоции от произошедшего в то время. А потом можно «залезть» и в осознание моего тогдашнего «Я» и ознакомиться с его прежней памятью и эмоциями. Вот так смотришь на свое прошлое и диву даешься. Чем моложе, тем меньше логики, а больше эмоций и просто картинок. Все «случается» само собой. Так, какие-то эпизоды, зараженные негативной энергией, уходят из оперативного сознания вглубь информационного поля и «гадят» оттуда исподтишка, вызывая деформации личности, и зачастую приводят к комплексам и болезням. Техники психоанализа и дианетики позволяют нам выудить невидимые для нас вредоносные матрицы событий и нейтрализовать их. Тем самым цепочка необъяснимых негативных событий прекращается, а задействованная для поддержания паразитических файлов энергия возвращается к нам для радостной, осознанной жизни. Иногда цепочка проблем и несчастий воспринимается нами как карма, рок или дежавю, мол, это уже было и было плохо. Хотя чаще моменты дежавю связаны со встречами в нашей реальности с событиями, предсказанными логикой развития многомерных каналов будущего. Часто мы видим эти события в «вещах» снах. Они являются реперными точками, маркерами, что все идет как надо, и мы успешно переходим из одного канала-сценария в другой. Ну, а если мы встречаемся с эффектом дежавю слишком часто, значит, в нас что-то сломалось. Зачастую какие-то мелочи являются очень болезненными для нас, а вот совершенно удивительные события, реально произошедшие и зафиксированные моим всеобщим «Я», моим сознанием вообще никак не воспринимались. Вероятно, в нашем мозгу вставлены фильтры и блоки на возможную, с точки зрения здравого смысла, «бывальщину» и «небывальщину». Так вот, «то, чего быть не может» происходит, мы это видим, чувствуем, но до лобных долей, где угнездились «Я» сознания, это не доходит. Все лишнее, не входящее в парадигму возможного, засчитывается как информационный шум и глюки рецепторов. У психически больных людей такие фильтры могут быть разрушены, и они пропускают в личность, наряду с собственным бредом и фантазиями, реальную информацию, абсолютно не соответствующую нашей действительности, но, тем не менее, существующую. Вот именно поэтому на Руси прислушивались к юродивым. Они и видят больше, и не боятся об этом рассказывать. Надеюсь, что я не юродивый, но мне удалось вспомнить и осознать по новой очень много событий, произошедших со мной в жизни. Некоторые из этих эпизодов очень личные и важны только для меня и для людей, которых уже нет в нашей реальности. Некоторые воспоминания легли в основу последующих патологических процессов и заболеваний. Изменив мое теперешнее отношение к ним с травмирующего на нейтральное, я стал практически здоровым. Некоторые эпизоды мне показались забавными. Именно ими я и хочу поделиться с вами. Воспринимайте их как документальную фантастику.

Внутри

Теперь я понимаю, почему меня так привлекают различные аттракционы, где тебя крутят, переворачивают, трясут, кидают с большой высоты, выкручивают и выжимают за твои же деньги. Это то, что чувствует эмбрион в утробе матери. Там, внутри, это воспринимается нормально. А вот посмотреть на себя «тогда» в своем взрослом состоянии – это ужас ужасный. Ты находишься в пузыре с жидкостью. Этот пузырь постоянно колыхается вверх-вниз и из стороны в сторону, особенно при ходьбе. Стоит страшный шум от струящейся крови, шелеста альвеол в легких при дыхании. Очень громко скрипит перистальтикой и булькает микробиомом кишечника. Сломанным метрономом звучит сердцебиение. Периодически тебя обдают различные беспричинными эмоциями от радости до страха и ужаса. Но самое неожиданное и интересное заключается в том, что оттуда, изнутри, можно смотреть вовне. Все неживое видится как серые и темно-коричневые контуры, а вот ауры живых организмов воспринимаются очень четко и в цвете. Правда, такое видение начинается, когда ты уже практически готов к рождению.

Во время эмбриогенеза происходят совершенно необычные события. Начнем с того, что закон о том, что онтогенез (собственное развитие) повторяет филогенез (этапы развития эволюции биосферы) работает и не является придумкой ученых. Жизнь начинается еще когда душа выбирает, в каких родителей инкарнировать, какую яйцеклетку и какой сперматозоид выбрать. Затем душа как информационно-энергетическая операционная система начинает организовывать жизнь, исходя из имеющихся в распоряжении генов и той памяти, которая у нее имеется. Так что поначалу мы наслаждаемся памятью одноклеточного, затем с удовольствием осознаем свою вытянутость с формированием отчетливого головного конца и хвоста. Плаваем в жидкости с жабрами, выходим на сушу и наконец где-то к трем месяцам превращаемся в человекообразных. Мы начинаем осваивать опыт поколений своих предков. И эта информация находится внутри нас, прорываясь иногда во взрослом состоянии потрясающей интуицией, основанной на опыте предков. А иногда мы «включаем» различные патологические процессы и расстройства, поскольку уж очень сильные страдания и проблемы мы пережили и отразили в нашем информационном душевном тезаурусе, а затем инкарнировали в ходе эмбриогенеза. Бывает, что самый неподходящий момент, когда и так все сложно, и энергии мало, и контроль сознания истощается, эти разрушающие информационные файлы прорываются из подсознания и начинают «править балл». Они начинают воспроизводить те же проблемы, что существовали и раньше, но не были изжиты и нейтрализованы в прошлых жизнях. Мы говорим-«карма». Но не будем о грустном. Человек – очень интересная и эффективная система по исправлению и нейтрализации негатива. Нужно только проявить уверенность о том, что все будет хорошо, мироздание заботится о тебе, а в крайнем случае все можно будет начать сначала с куда более успешным результатом.

Прогулка в маме

Я эмбрион, вернее, плод, и собираюсь скоро, месяца через два, родиться. Я ощущаю себя парящим в жидкости в слегка согнутом положении, головой вверх. Ручки согнуты в локтях, пальчики сжаты в кулачки. Их я чувствую вполне своими и могу немного шевелить руками и немного разгибать пальчики. Ног я почти не чувствую, хотя и знаю, что они есть и тоже согнуты. Ими по своему желанию я шевелить не могу, они сами время от времени шевелятся. Из живота к плаценте тянется толстая пуповина. Коленки прижаты к весьма объемному животу. Примерно такой же живот у меня сейчас, но пуповины нет, что означает, что я не эмбрион и что мне нужно срочно похудеть. Если я, конечно, не хочу вскорости переродиться обратно, из состояния живого в состояние непроявленного в материальном мире.

Итак, судя по всему, я нахожусь в мамином организме. И нельзя сказать, что это спокойное, тихое место. Все совсем наоборот! Рядом над головой громко ухает сердце. Пульсовой импульс окатывает меня со всех сторон звуками струящейся по крупным сосудам крови. Надо мной раздаются шелестящие звуки раздвигающихся и сжимаемых тканей легких, хрипы бронхов и лопание пузырьков экссудата в альвеолах. Мама интенсивно дышит. Она идет по улице, и меня мотает из стороны в сторону. Чувствую сзади достаточно твердую поддержку маминого позвоночного столба. Так вот вокруг него меня и мотает. Мышцы тоже создают свои звуки, но их перекрывают громкие звуки перистальтики кишечника. В общем, человек – это оркестр, постоянно исполняющий симфонию жизни. Да, так вот, я сижу во всем этом живом дышащем и движущемся пространстве весьма комфортно и чувствую себя защищенно и уверенно, но эта уверенность и защищенность в чем-то похожи на уверенность в безопасности в каком-нибудь современном роллер-костере, где тебя поднимают, скатывают вниз и одновременно многократно переворачивают. Мои глаза закрыты, но я все вижу очень отчетливо. Вообще эмбриональное астральное зрение – это очень интересное явление. Все живое раскрашивается в разнообразные цветные оболочки. Отчетливо видны энергетические живые поля и эмоции. Они выглядят как движущиеся струи разноцветного тумана. Иногда очень разреженного, почти неотличимого от фона, иногда, значительно реже, они напоминают цветные жгуты и линии, струящиеся в пространстве. Неодушевленные объекты практически не видны, они имеют тот же цвет, что и фон картинки, но все же их можно отличить друг от друга по более интенсивным контурам. Общий фон видимой, вернее, осознаваемой как видимой, картинки обычно серый. Иногда серо-коричневый. Эмоционально я абсолютно зависим от мамы. Все ее эмоции-это мои эмоции и чувства. Осознания практически нет. Мое «Я» еще не сформировалось, но какие-то мыслеобразы уже блуждают.

Меня сильно потрянуло – это мама сошла с крылечка дома и пошла по двору. Меня привычно мотало направо и налево вокруг позвоночника. Справа открылась великолепная цветная феерия жизни и цвета. Вообще-то краски астрального видения намного ярче и богаче, чем цвета, которые мы воспринимаем нашими цветовыми рецепторами. Этих колбочек в глазу всего три вида, и они способны воспринимать только красный, зеленый и синий цвета. В мозгу сигналы от них как-то смешиваются, и мы, кто не дальтоник, воспринимаем семь цветов радуги. А в астральном видении мы воспринимаем десятки, если не сотни, разнообразных цветов, включая инфракрасный и ультрафиолетовые частоты. Чем мы эти цвета воспринимаем, мне совершенно неизвестно. Когда я перехожу на астральное зрение, скажем, при лечении пациентов, то для лучшего видения я свои глаза вообще закрываю. Так видно намного лучше и значительно меньше шансов пропустить что-то действительно важное.

Итак, мы с мамой прошли мимо помойки. Там, в сокровищнице пищевых отходов, жили мыши, крысы, кошки, триллионы бактерий и других одно- и многоклеточных. Все содержимое помойки сверкало и искрилось разными, очень чистыми и интенсивными красками. Было

очень красиво! Из-под помойки вытекал тонкий радужный ручеек. Идеальная подкормка для растущих невдалеке высоченных деревьев. Они тоже были счастливы, жили и росли, окутавшись разноцветными аурами. В общем, такой маленький островок настоящего рая, где все счастливы.

Мама вышла из ворот двора на улицу. Ей на встречу шли люди – вытянутые разноцветные пирамидки или овалы. Не все они были симметричными, одинаково блестящими и светящимися. Было много кривых, с темными пятнами, из некоторых вытекали ручейки энергии, у некоторых даже били хилые разноцветные фонтанчики. Общая светимость пирамидок таких людей была понижена. Теперь-то я понимаю, что это были или больные люди, или люди с незалеченными травмами. Я помню, как к нам с мамой приблизилась очень приятная структура, полная интенсивных и насыщенных разноцветных оболочек. Они были симметричными и вызывали у меня, конечно, через эмоциональную реакцию мамы, ощущения радости и приятствия. Между объектом и мамой потянулись тоненькие разноцветные каналы-ниточки. Наибольшая ниточка соединила верхнюю треть существа с серединой грудной клетки моей мамы. Я почувствовал себя еще лучше. Свечение стоящего напротив объекта тоже возросло. По всему маминому телу раздались раскаты ее голоса. Ему вторили радостные звуки снаружи. Все понятно, подружки встретились. Почему я знаю, что это подружка, а не знакомый мужского пола, я объяснить не могу, но твердо уверен, что это так. «Я» теперешний посмотрел на подружку и знаю, что это была мамина подруга. Они вместе учились в мединституте и дружили всю оставшуюся жизнь. Вот тут к нам приблизилось существо с очень тусклыми и линялыми оболочками. У всех проходящих мимо нас с мамой людей на головах были короны энергии. У кого побольше и поярче, у кого поменьше и потусклее. У подошедшего объекта никакой короны не было вообще. Была темная нашлепка на том месте, где должна быть голова. «Я» взрослый посмотрел, кто это. А это была бабушка-старушка в черно-сером одеянии с платочком на голове. Существо подошло к самому ярко светящемуся объекту впереди нас, к маминной подружке. Из темного нутра бабушки-ведьмы выдвинулся серый, расширяющийся рас-труб-канал. Чем-то он походил на шланг, по которому у нас из туалета отсасывали содержимое выгребной ямы. По крайней мере, он вызвал у меня – эмбриона – именно такие эмоции. Грязно-серый шланг-канал удлинился и воткнулся в яркие оболочки подружки где-то в районе солнечного сплетения. Начался отсос жизненной энергии. Было видно, как внутри шланга прокачиваются сгустки светлой энергии и проваливаются внутрь тельца вампирицы. Это было плохо. Я начал дергаться и сумел даже пихнуть мамин живот ножками. Связь мамы с подружкой разорвалась, а вот перекачка энергии от подружки к бабушке-вампиру продолжилась. Цвета оболочек подружки стали бледнеть, а оболочки агрессора, напротив, – наливаться жизнью. Вдруг, из центра агрессора стало выдвигаться что-то темное, шевелящееся как щупальца или клубы плотного черного дыма. Это что-то стало надвигаться прямо на меня. Вот тут уж мне стало по-настоящему страшно. Я почувствовал, что вся моя будущая жизнь в опасности! Я стал не только сучить ножками, Я, сжав ручки, начал дергаться всем тельцем. Черные щупальца вампира приближались быстро и неотвратно. И вот тут Я изо всех своих имеющихся сил, от всего своего маленького тельца, от всей души послал энергетический импульс навстречу атакующих нас щупалец навстречу черной силе и жути. Я защищал самого дорогого человека на свете – свою маму! Я защищал и свою жизнь. От меня отделился почти прозрачный шар, чем-то похожий на большой мыльный пузырь. Он вытянулся, легко прошел через организм мамы и встретился с шевелящейся чернотой. Беззвучно полыхнула вспышка света. Темнота съежилась, и обрывки щупалец, покрытые кусочками моего шара, стали втягиваться внутрь агрессора. Как только они втянулись в тело, бабушке явно поплохело. По оболочкам вампира прошла волна огня, выжигая остатки черной ауры. Бабушка дернулась и отскочила от нас подальше, громко и нецензурно, с точки зрения меня взрослого, заругавшись. Ее шланг-отсос оторвался от маминной подружки и повис. Мама громко вскрикнула и, поддерживая живот руками, быстро пошла

прочь. Вампириша осталась на месте, в середине ее тела зияла рана с тлеющими краями, внутри которой вяло шевелились обожженные щупальца. Наша подружка повернулась и стала быстро удаляться в противоположном от нас направлении. Вот и пообщались. Потом, через взрослое «Я», я узнал, что бабушку звали бабой Грушей. Она была известна своим вздорным, скандальным характером и «дурным глазом». Детей ей не доверяли и новорожденных старались не показывать.

Это было мое первое «сознательное» участие в постоянном энергообмене между людьми. Обычно это «просто» энергообмен между друзьями и знакомыми, как это происходило между моей мамой и ее подружкой. Подчас это выглядит и является энергетической атакой, как это произошло со вторым участником встречи. Для меня это была первая успешная защита от агрессора. Может быть, я спас свое здоровье или даже саму жизнь. Кто знает, что было бы, если бы... Но я знаю, что опыт успешного отражения энергетической атаки неоднократно пригодился мне в будущем в течение длинной, полной приключений, жизни.

Роды

«Час зачатия я помню неточно...»

Владимир Высоцкий

Для многих людей процесс рождения является очень мощным стрессом, оставляющим разрушающее действие на всю последующую жизнь. Для меня рождение тоже стало мощным стрессом, но не таким страшным и разрушительным, как для некоторых. То, что готовится какая-то гадость, я почувствовал задолго до начала родов. Что-то стало меняться вокруг. Как всегда, я находился в своем уютном пузыре головой вверх, сжав кулачки и прижав согнутые ручки к грудной клетке. От пупка отходил шланг жизнеобеспечения – пуповина. Она уходила справа от тельца вверх и за голову. Вдруг стенки матки стали очень странно сокращаться так, чтобы перевернуть меня вниз головой. Но не на того напали. Я весь сжался и начал отмахиваться ручками от пуповины, которая так и норовила обмотаться вокруг шеи. Обычно я практически не шевелил ножками, но тут пришлось растопыриться и использовать стенки матки для опоры. Мы с мамой стали сильно волноваться. Началось. Через некоторое время ситуация стала еще хуже. Куда-то вниз ушла вода. Стенки матки облепили мое тельце и начали очень сильно давить на него. Давильня начиналась сверху, с головы и волнами опускалась. Меня стало засасывать вниз. Я уже не мог растопыривать ножки. Они пошли на выход первыми. Все было узко и неудобно, но довольно скоро я почувствовал, что ножки прошли узкость и освободились где-то снаружи. При этом я полностью застрял туловищем и никуда не двигался, несмотря на довольно чувствительные схватки, которые пытались затолкать меня вниз, к выходу.

Интересно, что много лет спустя я оказался практически в той же ситуации. Произошло это во время моего сплава на байдарке по горной речке Риони. Это одна из самых мощных и красивых рек Грузии. Согласно Гомеру, именно к этой речке аргonautы ходили за золотым руном. Дело было на ноябрьские праздники, и мы, обычно соблюдающие «сухой» закон, накануне напились очень вкусного и ароматного молодого вина. Это нас чуть было не погубило. Утром следующего дня мы «просмотрели» пороги и отправились их проходить. Наиболее сложное и опасное препятствие располагалось на выходе из порога, чуть правее центра реки. Вода наваливалась слева направо на большую скалу и, отразившись от нее, уходила к центру реки. Мы с товарищем шли на двухместной озерной байдарке «RZ», оборудованной и специально «закаяченной» для прохождения порогов. Стратегия прохождения порога состояла в следующем. Сначала зайти по центру и постараться вовремя уйти от правого навала на скалу – влево. Обычно перед скалой, в которую бьет основная масса воды, образуется отбойный вал. Если за него вовремя зацепиться веслом, то нос лодки отведет в сторону от препятствия, и останется только сбросить корму с навала, дабы не «обмотаться» вокруг препятствия. По причине похмельного состояния мы поставили на вершину скалы члена нашей группы для страховки. С начала все шло, как и было запланировано. Мы грамотно зашли в порог и почти полностью его прошли. Подошли по нужной струе до скалы, и вот тут началось. Я сидел впереди и попытался зацепиться за отбойный вал, чтобы снять нос байдарки влево и чтобы не влететь со всей дури в скалу. Я опустил весло слева, чтобы «опереться» о воду и поймать струю воды. Вместо этого оказалось, что никакого отбойного вала нет, и вода, скрученная в жесткие струи, бурно течет под скалу. Эти струи мгновенно утянули и весло, и меня под скалу. Лодка осталась где-то сверху, а меня выдернуло из лодки, перевернуло и затолкало ногами вперед в подводную пещерку. Ноги прошли через пещерку и вышли наружу, а вот мое туловище капитально застряло. Давление воды было чудовищным. Ноги болтались снаружи, не могли найти опоры. Руки были спереди и тоже не могли ни на что опереться. Шлемом я бился о стену скалы. До воздуха было далеко вверх, и его начало не хватать. В общем, совсем как при

родах. Хорошо, что я по давней привычке, что бы ни случилось, не выпустил весло. Каким-то образом мне удалось правой рукой с веслом нащупать твердь. Так, опираясь на весло, я сумел повернуться под водой направо и подтянуть ноги. Ими я нащупал стенку промоины и начал очень медленно выпрямляться, сопротивляясь давлению воды. Вдруг давление воды упало. Я почти выдернулся из подводной ловушки. Дальше было просто. Я ощутил под ногами твердое дно, сделал шаг и выпрямился. До чего хорошо, когда можно дышать воздухом! Вся вода рядом со мной с ревом утекала в промоину под скалой, а я стоял рядом в практически стоячей воде и дышал. Я поднял голову и увидел совершенно распахнутые от удивления глаза страшущего. Он прикорнул на солнышке и совершенно не ожидал увидеть меня, вынырнувшего из пучины прямо под ним. Я сначала передал страхующему спасшее меня весло, а затем с помощью его, спасателя, забрался наверх. Сверху я увидел своего второго номера, который, совершенно обалдевший и мокрый, привязывал с помощью чалки практически целую, хоть и полную воды, байдарку. Фу-у – все живы и почти здоровы! Адреналин скоро спадет, и меня перестанет трясти. Путешествие продолжается.

Описанные выше события практически полностью описывают то, что со мной произошло во время собственного рождения, разве что весла не было. А была опытная акушерка.

Мои ножки вовремя поймали, но тянули за них не сильно, чтобы не разорвать напополам. Потому что шел я туго по не очень растянутым родовым путям. После тельца пошла голова. Вот тут-то я и почувствовал, что всю мою систему жизнеобеспечения передалило, и начал задыхаться, как под той скалой. Но это длилось не критически долго, и я вышел в свет со слегка погнутыми ножками, но совершенно не сплюсненным черепом и не травмированным мозгом.

И вот тут началось! Что-то внутри меня стало шевелиться-это начали разворачиваться и расправляться легкие. Недостатка в кислороде я не испытывал до тех пор, пока мне не пережали пуповину корнцангом. Вот тут я заорал! В это же время меня очень жестко и интенсивно обтерли марлей от остатков слизи, крови и родовой смазки. А затем вообще накапали в глаза какую-то гадость для профилактики бленнореи! Вот тут я заорал еще громче, и все мои мышцы сократились в спазме. Я превратился в этакий верещащий, судорожный комок. В таком виде меня и показали маме. Наличие младенца – мальчика – было мамой зафиксировано, и она переключилась на завершение родов. Нужно было еще плаценту полностью вывести. А меня очень плотно запеленали, что, как ни странно, меня успокоило, и я отрубился на адаптацию к новому миру.

В общем, родился я гордо, держа голову вверх, проходя и раздвигая родовые пути собственной попой. Так мои первые секунды самостоятельной жизни объединили меня со всеобщей русской судьбой, когда все главное делается через задницу.

А еще я не зря упоминал об опытной акушерке. Она, вопреки тогдашним инструкциям, принесла меня к маме через несколько часов после родов и разрешила покормить грудью. Это очень благотворно сказалось на всей моей последующей жизни. Надо сказать, что у беременных перед родами начинает нагрубать грудь. Она, грудь, под действием соответствующих гормонов готовится к лактации. И поначалу из сосков выходит не молоко, а молозиво. Внешне оно похоже на гной. Собственно, оно им и является. Только это не просто гной, это специальный коктейль, состоящий из смеси антител и иммунокомпетентных клеток, которые способны защитить, на первое время, новорожденного от инфекций. Вторым очень важным компонентом молозива является смесь бактерий, присущая маминой флоре. Вместе с молозивом новорожденный получает наборы всех представителей микроорганизмов, так необходимых для формирования в его кишечнике здорового микробиома.

Особенности видения новорожденного

Удивительно, но все специалисты по зрению новорожденного ничего в этом не понимают. Почему? А потому, что ничего не помнят. Я помню. Во-первых, сразу после рождения я продолжал все видеть астральным зрением. Для него глаза не нужны. Я очень хорошо распознавал цветные ауры живых людей и чувствовал их эмоции. В родовой работали добрые люди. Потом, когда меня спеленали и отнесли в ячейку человеиника, я уснул, а когда проснулся, мое зрение стало «глючить». Я то видел все разнообразие разноцветного мира астральным зрением, то вдруг оно отключалось, и я начинал различать очень размытые изображения людей и предметов в черно-белом цвете, затем опять все переключалось на астрал.

Примерно такое у меня случилось во время восхождения на гору Килиманджаро в Африке. Восхождение было подарком моей семьи на мое шестидесятилетие. Подниматься мы стали ночью, при свете налобных фонариков. Начали с высоты чуть больше четырех километров. А где-то к пяти с половиной километрам я начал уставать. Раньше было просто – устал, сел, посидел, отдохнул и пошел дальше. А тут стал сильно уставать, сел и вместо отдыха просто стал уставать медленнее. Пришлось не останавливаться, а упорно ползти вверх. И вот тут вдруг самопроизвольно организм переключился на астральное зрение. Сразу тьма расступилась, и пространство заиграло светом, красками и энергетическими каналами. Было видно, как выше и ниже меня ползут разноцветные цепочки восходящих. Кого-то уже несли вниз. Тем, кто не смог, давали кислород из баллонов и спускали вниз на руках инструкторов или на особых тачках с одним колесом в центре повозки. Таких было не много – процентов тридцать от всех лезущих вверх. В астрале я почувствовал себя значительно лучше. Силы прибавилось, и я споро побежал вверх, догоняя и перегоняя своих однокомандников. К сожалению, я довольно быстро вернулся к своему обычному состоянию и опять начал уставать. Но я уже забрался значительно выше и продолжал подъем. Такое переключение случилось со мной еще дважды, прежде чем я забрался почти на шестикилометровую высоту. К тому времени рассвело, и можно было наслаждаться видом на остатки ледника и облака внизу.

Но вернемся ко мне новорожденному. Предметы я видел только в черно-белом изображении и не в фокусе. Было совершенно непонятно, какого размера является рассматриваемый объект и как далеко он находится. Но самое главное, что твердые предметы начинали «плыть» и переворачиваться снизу вверх, в зависимости от положения глаз. Предметы на периферии глаза занимали свое нормальное положение, предметы в центре глаза были перевернуты вверх ногами. А когда глаз двигался, то тут и начиналось тошнотворное проворачивание и расплавление картинки. Как-то, уже во взрослом возрасте, мне попались репродукции картин Сальвадора Дали. Ха! Да это он своими жидкими циферблатами часов и другими текущими твердыми предметами полностью воспроизвел видение младенца! Так что хотите вспомнить, как вы видели, – смотрите репродукции Дали.

Вероятно, такие особенности в изображении реальности новорожденного получается потому, что картинка складывается у нас в мозгу в затылочной области. Начнем с того, что картинка на сетчатке глаза получается перевернутой, а сигналы от фоторецепторов глаз идут по оптическому нерву причем часть нервных волокон пересекается слева направо, а часть идет в затылок без пересечения. Пока нейроны мозга разберутся, кто что регистрирует и откуда что идет, картинка получается странной и нестабильной.

Переворачивание и размягчение твердых предметов прошло довольно быстро. Уже через несколько дней я мог фиксировать глаза на предметах и даже видеть их более-менее четко. Все было как-то тускло и не ярко. Где-то через неделю-другую я начал различать цвета и довольно уверенно фиксировать взгляд на интересующем меня предмете.

Меня часто пеленали и выставляли «гулять» в довольно высокой плетеной, как корзинка, коляске. На голову надевали чепчик, который слегка ограничивал мне поле зрения. Белый мир передо мною напоминал белый экран, на котором появлялось изображение. И вот я с удовольствием смотрел кино жизни. Чаще всего я видел маму. Но ее я видел и ощущал еще и астральным зрением. Для меня она была такой священной мягкой и уютной горой, от которой я получал все, что нужно, а особенно любовь и внимание. В общем, я был тем самым Магометом, который не только вышел из горы, но и пришел к горе и надолго там угнездился.

Взгляд я научился фиксировать, а вот распознавать размеры увиденного – пока нет.

Папа

Я лежу в колясочке. Вокруг высокие темные стенки, посередине полоса голубого неба. Очень похоже, что ты находишься на дне глубокого широкого каньона в горах. Мое поле зрения еще больше ограничено чепчиком на голове. Он немного съехал и наполовину закрывает картинку из правого глаза. И вот на фоне голубого неба появляется лицо, вернее, голова с лицом. С высоты своего теперешнего опыта я могу сказать, что это типичная голова пацана пятидесятих. Очень короткая стрижка с небольшим чубчиком. Тонкая шея. Большие оттопыренные уши. Широко раскрытые, изумленные глаза. Блуждающая улыбка. Это мой отец. Он очень стесняется, очень рад и растерян. Здравствуй, папа!

Потом, когда я вырос, папа стал папой, в смысле, солидным ученым человеком, а с моей молодой точки зрения – даже пожилым. Помню, как-то зимой я зашел в гараж за своими беговыми лыжами и увидел старые деревянные папины лыжи и совершенно естественно подумал, что «да, вот папа старый, и лыжи ему, похоже, уже не понадобятся». Это было за три года до его смерти, и было ему... 47 лет! Сейчас мне 72. Недавно я вернулся с катания на горных лыжах. Я тоже старею, например, на двойных черных склонах мне не так уж и легко прыгать по буграм – и вес мешает, и обнаруживается некоторая слабость в коленках. Интересно, а каким старцем меня воспринимают мои дети?

Вот так у меня и осталось в памяти два образа отца – образ пожилого больного человека и образ лопоухого смущенного и абсолютно счастливого мальчишки, у которого вся жизнь впереди. Да, прошло много времени моей жизни. В душе, где-то очень глубоко, я воспринимаю себя молодым человеком, так, слегка менее сильным, но с мощным духом и зияющими перспективами в счастливом будущем. Когда я заглядываю в зеркало во время бритья, я вижу, как на мое молодое когда-то личико, наплзает безобразная личина человека уже не совсем молодого. Старость-это похмелье, которое всегда с тобой. Пора омолаживаться. Знать бы еще, как это сделать. Вместо реинкарнации.

Страшный зверь ОС

Итак, я все еще в той же колясочке. Папа исчез из моего поля зрения, оставив чувство радостного единения с родителем. Мое пребывание на свежем воздухе продолжается.

И вдруг сильное гудение, ветер у правой щеки. Гудение резко прекратилось, и на меня начало надвигаться страшное существо. Тень от него заполнила почти половину видимого пространства. От страха я сразу же переключился на астральное зрение. Вижу, как в мое поле зрения вползает жуткая голова с зазубренными жвалами и громадными, выпуклыми, красно-коричневыми фасетчатыми глазами. Глаза были слегка вытянутыми, с округлыми краями, снаружи и слегка вогнутыми в центре, где между жвалами и глазами располагается ярко-желтый бронешиток. Выше на лбу у монстра росли то ли рога, то ли развесистые антенны, которые угрожающе двигались. Вокруг всей головы на свету золотились коричневые щетинки. Впечатление, что они образуют этакую гриву. Голова своими обтекаемыми обводами была похожа на очень дорогой спортивный автомобиль и одновременно на мощное оголовье стенобитной машины, способной пробить любую каменную стену. Дальше виднелась темно-коричневая грудь, к верхней части которой прикрепляются светло-коричневые, с жесткими прожилками, крылья. Монстр держался на краю моего чепчика с помощью длинных, членистых ног, заканчивающихся страшными острыми крючьями, которыми он постоянно перебирал ткань чепчика. Монстр имел окрас от темно-коричневого, почти черного, до желто-оранжевого. Его брюхо было окрашено полосками коричневого и желтого цветов. Оно постоянно и нервно дергалось, изгибалось, а из конца брюшка показывалось черное острое жало, готовое убить каждого. Чувствовалось, что все части монстра покрыты блестящей непробиваемой хитиновой броней с ворсинками, очень похожими на густую шерсть. Все его части находились в постоянном движении и нервическом подергивании. Его окружала жуткая аура в багровых тонах. Только антеннулы высвечивали ярко-голубыми прожекторами, а из брюшка при дыхании вырывались красно-желтые жгуты энергии. Монстр внимательно заглянул мне в самую душу. Я почувствовал жесткое, нечеловеческое внимание и агрессию, мне стало страшно. Все, кого я видел после рождения, были душевно открыты, благожелательны и по-человечески мягки. Этот монстр был живым, но при этом жесткой, логичной и очень эффективной машиной для убийства. Я затаил дыхание и весь сжался. Ну все, я в его власти, и меня сейчас сожрут. Между жвалами монстра появилась коричневая капля яда или пищеварительного сока. Но вместо того, чтобы начать грызть меня, монстр издал низкий жужжащий звук и очень легко взлетел. Он взвился и на невероятной скорости напал на пролетавшую невдалеке муху. Доля секунды, и от мухи вниз полетели, кружась, откушенные крылышки, а монстр вернулся на мой чепчик. Теперь он схватился за ткань задними лапами, а передними поддерживал муху. Жвалы монстра раскрылись и легко вонзились, смяв тушку мухи. Еще несколько движений челюстями и лапками, и перед монстром была этакая мушиная котлетка, сочащаяся гемолимфой. Монстр с сожалением глянул на меня, мол, ты следующий, и с жутким жужжанием и дуновением воздуха исчез из моего поля зрения. Надолго, но не навсегда.

Много позже, когда мне было одиннадцать лет, мы с бабушкой пошли в лес за грибами. Набрали и вышли на лесную полянку. Хорошо! Солнышко светит, небо голубое с легкими кучевыми облачками. На полянке летают бабочки и стрекозы, над цветами жужжат пчелы и шмели. Бабушка наклонилась, чтобы получше рассмотреть собранные в корзинку грибы. И тут откуда-то из-за елочек вылетело нечто. По форме и цвету это напоминало оторванный от сигареты фильтр. Такой же по размеру и примерно такого же желто-коричневого окраса. Летело это тело абсолютно по прямой, с большой скоростью и издавало низкочастотное жужжание. Летящий фильтр оказался куда тяжелее настоящего. Он, не меняя скорости и направления полета, врезался моей бабушке в левую часть лба, ближе к виску. Бабушка, запричитав, так

и села на попу, а летающая живая пуля, отразившись от бабушкиного лба, улетела в траву. Я осторожно приблизился к месту падения неопознанного летающего объекта. Объект, громко и злобно жужжа, поднимался, перебирая лапками, по травинке вверх. Внешне он походил на обычную осу, но был раза в четыре больше ее. Наконец этот супер-ос забрался на вершину травинки и бодро взлетел вверх. Он поднялся на уровень моего лица и слегка завис в воздухе. На меня пристально смотрел жуткий монстр из моего младенчества! Этим монстром был шершень.

Впечатленный встречей, я порасспросил о шершнях своих друзей и знакомых. Оказалось, что никто не знает, где у шершней гнездо, но где их можно встретить, было известно. Где-то километрах в трех от наших дачных участков располагалось странное место. Там нормальный лес заканчивался, а через грунтовую дорогу росли, скорее мучались, густые полуживые посадки сосен. По дороге иногда грузовиками возили ворованный песок из карьеров и навоз, украденный с близлежащей фермы. На невысоком бугорке, перед посадками, росли дубы. Дубам тоже было нехорошо. Они болели, и по их стволам сочился дубовый сок. Вот этот сок привлекал шершней. Там шершни постоянно крутились, гневно жужжали и отгоняли друг друга от сочащейся по стволам дубов влаги. Еще недалеко от этого места раз в году вырастал гриб-срамотник, он же веселка обыкновенная. Воняла тухлым мясом эта веселка метров на двести, а внешне – ну просто вылитый срамник. Он рос на толстой, белой, сужающейся ножке, покрытой склизкой конусообразной черно-зеленой шапочкой. А еще недалеко от слезоточивых дубов росли молоканки. Такие грибы не встречались больше нигде в нашем лесу. Это не были грузди или там валуи. Нет, это были именно молоканки – очень крепкие, абсолютно белые по цвету грибы, в которых даже черви не заводились. А их сок был похож на молоко только цветом, очень горький и жгучий, и оставлял на руках и одежде черные следы. Никакое вымачивание в водах и вываривание не могли убрать горечь из грибов. Поэтому их никто не собирал, и росли они нахально, на опушке, в большом числе и достигали приличных размеров.

Вот мы с ребятами и придумали смертельный аттракцион. Мы приезжали на велосипедах по лесной дороге, разворачивали велосипеды в сторону дачного поселка и шли собирать молоканки. Набрав грибы, мы осторожно подбирались к дубам с шершнями и кидали грибы в шершней на дубах. Вскоре возмущенные шершни начинали злобно жужжать, сбивались в стаю и искали агрессоров. Вот тут было самое время, бросив остатки молоканок на землю, повернуться и бежать к велосипедам. Не прерывая бега, нужно было вскочить в седло и улететь как можно быстрее и как можно дальше от разъяренных насекомых. Медленно бегущие, неуклюжие и слабо координированные детишки получали очень болезненные укусы, зачастую с подъемом температуры и аллергическими реакциями. Очень скоро число желающих пощекотать нервы резко под сократилось. И мы придумали «смертельный» аттракцион. Начало тоже – велосипеды, молоканки, дубы и «мирные» шершни. А вот потом начинался сам аттракцион. Я и мой кореш Славик должны были медленно, не привлекая внимания, подойти к стволам дубов с шершнями и затаиться. Каждый у своего ствола. Остальные, как обычно, должны начать грибной обстрел и, возбудив шершней, смотреться. Шершни полетят за ними, а мы будем стоять неподвижно у деревьев и делать вид, что нас нет. А потом мы, все в белом от молоканок, медленно и свободно пойдем к своим велосипедам.

Поначалу все шло, как и было запланировано. Однако очень скоро шершни вернулись и вместо того, чтобы садиться на стволы дубов, стали кружить вокруг нас. Все ближе и ближе, прям у наших лиц. Я понял, что забава перешла от нас к насекомым, и нам сейчас будет очень плохо. Шершни оказались умнее нас. Славик тоже это понял, и когда стая шершней переместилась ко мне поближе, резко повернулся и побежал, покрикивая и поскуливая со страху, к велосипеду. Вот это он сделал зря, и мои, и его шершни погнались за ним. Они догнали его еще до велосипеда и начали кусать. Он замахал руками, потом схватил велосипед, разогнался, очень технично вспрыгнул на него и, быстро крутя педали, поехал по дороге. Но уехал неда-

леко. Переднее колесо велосипеда задело край глубокой обочины у дороги, резко повернулось и встало в распор. Славик полетел рыбкой не хуже шершней, чем привел насекомых в некоторое замешательство, и они прекратили преследование. Я в это время тихо-тихо ускользал от опушки с дубами в лес. Потом пробрался через кусты орешника и выглянул на дорогу. Шершней не было. Были мой велосипед и Славик, который сидел у дроги на месте падения. Он плакал и ощупывал шишку на голове. Я подошел и оценил масштаб урона. Шишка была большой и на глазах увеличивалась. Я помог другу сесть на велосипед, и мы поехали домой. Успели мы вовремя. Шишка все увеличивалась, поднялась температура. В общем, Славика увезли в больницу. Это был последний эпизод моих контактов с шершнями. У меня пропал страх монстра, а осталась просто память о детстве. Кстати, Славик вернулся вполне ничего на следующий день. Этот геройский поступок вскоре забылся. Его вытеснил парень, которого укусил рыжий муравей, когда он, парень Витя, пасся на грядке с клубникой. Время от времени всех нас очень больно кусали рыжие муравьи. Но ему «повезло». Его укусили в крайнюю плоть. Плоть отекала. Развился классический фимоз. Но все обошлось. И после посещения медпункта он гордо показывал всем желающим свое опухшее естество. Отек долго менял цвета – от красного к синему, зеленому и желтому. Болезненный светофор получился. А шершни отошли в область моей памяти. Я их никогда больше живьем не видел.

Пока не забыл

«Старинные часы еще идут.

Старинные часы – свидетели и судьи».

Алла Пугачева

Утро. Не самое раннее, скорей начало нового, солнечного и счастливого дня. Дома тихо. Родители и дедушка ушли на работу – им далеко ехать, и до вечера я их не увижу. Обычно со мной оставалась бабушка, но и ее тоже нет. Вероятно, пока я крепко спал, она пошла навестить соседей или к водяной колонке на улице, за водой. А еще лучше, если она пошла в магазин. И вкусенького купит, и ее дольше не будет дома. А это важно, нужно успеть сделать все до ее прихода. Сделать сегодня. Я еще не знаю что, но что-то очень важное. Что-то внутри меня уверенно знает, что это нужно сделать, и чем быстрее, тем лучше.

Мне предстоит очень опасное и трудное путешествие из спальни, где я почивал в своей кровати, в гостиную. Там начинается вторая часть подвига. Я толком не знаю, что я там буду делать, какие-то мысли есть, но смутные и не оформленные логикой. Я знаю, вернее, чувствую, что это очень важно. Вообще мои мысли очень короткие, но ясные, без лишней философии и целеполаганий.

Сплю я в деревянной кровати на колесиках. Сама кровать представляет собой клетку с деревянными палочками, образующими вертикальную решетку. А вот крыши у этой клетки нет, что и дает мне шанс. Пролезть между прутьями решетки невозможно. Ручки и ножки проходят, а вот голова нет-ушам больно. Все прутья изгрызены мною. Я помню, как это непросто, но очень приятно – укусить ненавистный деревянный стержень только что вылезшими молочными зубами. Нужно исхитриться так повернуть голову, чтобы стержень оказался между челюстей. Поверхность дерева скользкая от полировки и слюней. Главное – это попасть зубом на стержень. Потом можно сжать челюсти, и поверхность начинает проминаться под сладостный звук древесины. На дереве остаются следы зубов. Полностью перекусить палочки, конечно, нереально, но вид вмятинок на поверхности тюремной решетки мне нравится.

Вот сейчас нужно выбраться из кровати и не убится насмерть. А это можно сделать запросто. Сколько мне лет, я не знаю – считать еще не умею. Где-то между годиком и двумя. Зато я умею весьма шустро передвигаться на четвереньках. Стоять я тоже могу, а вот ходить – недалеко и не стабильно. Лучше всего я хожу от одного родителя к другому. Хорошо, чтобы идти нужно было к маме. Я ей доверяю и понимаю лучше. В других случаях чуть что, сажусь на попу, и дальше уже на четвереньках. Получается быстро, но коленкам больно. Говорить я тоже способен не очень, а вот чужую речь понимаю абсолютно, особенно когда мне что-то запрещают, подтверждая логику запрета мощным эмоциональным доводом – «потому что потому». Вообще я пока больше воспринимаю мир при помощи двух механизмов – через ЧУВСТВОЗНАНИЕ и через МЫСЛЕОБРАЗ. Чувствознание – это такое состояние, когда я, не влезая в детали и формальную логику, понимаю, о чем идет речь, это как бы информационный пакет, на который я смотрю снаружи. Вижу его размеры, грани и доверительные зоны, где его можно применить. Делаю выводы и сразу знаю, где правда или неправда. А вот в формальная логика заходит плохо. Мыслеобраз-это то, что уже происходит, или что я собираюсь сделать, облаченные в картинки или в цепочку предстоящих действий-картинок. Опять-таки, это очень удобно. Думать не надо, надо действовать, а Чувствознание сообщает, насколько это правильно и успешно, и вообще, нужно ли. «Верной дорогой идете, товарищи!» – это Чувствознание. А вот куда и зачем, разберемся позже, когда придем. А вот туда ли пришли, станет видно на месте, когда оглядимся вокруг, – это Мыслеобраз.

Так вот, меня гонит Чувствознание, что мне нужно ЭТО сделать как можно быстрее, пока не «ЗАБЫЛ». Что я пока не забыл, я не знаю, но делать надо. Это мне Чувствознание даже не подсказывает, а прямо диктует, давит и гонит.

Итак, вернемся непосредственно к реальности. Это сейчас малых детей одевают в памперсы. А то время детишек либо туго, как полено, заворачивали в подгузники и пеленки либо давали полную свободу. Я уже научился проситься на горшок, а не гадить где попало. Поэтому в тот момент я был только в распашонке из байки с каким-то мелким желтым рисунком. Больше на мне ничего нет, но мне не холодно. Кроватка представляет собой деревянную клетку, собранную из палочек, без крышки. Снизу лежит очень плотный хрустящий матрасик из сухих водорослей сине-зеленого цвета. Сейчас сказали бы, что, по ощущениям, его набили и утрамбовали бумагой из-под шредера. Я стоял на этом матрасике, держась ручками за края клетки кроватки. Мои ножки периодически самопроизвольно подгибались, но я крепко держался ручками за верхнюю горизонтальную палочку и не давал себе упасть или сесть на попу. С одной стороны кроватки распаивалась пропасть, на дне которой виднелись красно-коричневые доски пола. Выпасть с этой стороны из кроватки мне не давали зачатки здравого смысла и инстинкт самосохранения. С другой стороны находилась большая родительская кровать. Она вздымалась рядом с моей кроваткой таким полукруглым курганом. То есть, она, наверно, была где-то наверху плоской, но я видел только ее полукруглый бок, обтянутый светлым покрывалом. Нужно было как-то выбраться из кроватки и переползти на кровать. Сразу выбраться не получилось. Во-первых, сторона клетки кроватки доходила мне до плеч. Силы рук подтянуться мне точно не хватало. Чтобы вылезти, нужно было подняться повыше. Я сбил подушку и одеяльце в кучу, встал на нее и понял, что этого недостаточно. Единственным шансом для меня осталось использовать матрасик. Это было очень, очень непросто, выковырять торец матрасика со дна кроватки. Затем его конец нужно было как-то поднять и согнуть, учитывая, что я сам стоял на другом конце этого матрасика. Не знаю как, не с первой попытки, но я сумел приподнять край очень жесткого, хрустящего матрасика и, сложив матрасик вдвое, наступил на него, чтобы он не развернулся обратно. Быстро-быстро, пока моя пирамида не разрушилась, я задрал одну ножку через боковину кровати и начал переползать на кровать. Стоило мне поднять вторую ножку, как матрас тут же развернулся и упал на дно кроватки. Я, судорожно дергаясь, начал балансировать на краю кроватки. Между кроваткой и родительской кроватью стала распаиваться пропасть пола. Каким-то судорожным движением я полупрыгнул, полуполз на бок кровати. Кроватка стала отъезжать от большой кровати все больше, и мое тельце вот-вот должно было рухнуть в образовавшуюся пропасть. Из последних сил я схватился за покрывало и попытался заползти на кровать. Ага, сейчас! Вместо того, чтобы залезть вверх, я начал сползать вниз вместе с покрывалом! Распашонка задралась кверху, собравшись вокруг горла, и почти задушила. Хорошо, что покрывало было натянуто на совесть и не упало резко вместе со мной на пол, оно мягко съехало вниз. Кое-как я выпутался из складок распашонки и покрывала и огляделся. Ура! Я на полу цел и невредим. Только ручки и ножки дрожат от перенапряжения. Ничего, посидим, отдохнем и сформулируем следующий этап нашего великого свершения.

За стеной в гостиной захрипело, и раздался чистый и сильный звук – бам-м. Это обозначили свое существование старинные часы. Я их почти не боюсь, но очень уважаю. Они являются очень важной частью всего мероприятия. Часы висят на стене и следят за всем, что происходит в доме. Они живут своей жизнью. Для меня они живее многих гостей, которым нет до меня никакого дела и которые, обдав меня шлейфом духов или табака, навсегда исчезли из моей жизни. Как только я вхожу в гостиную, часы, жутко шевеля стрелками, начинают меня рассматривать и оценивать. Они висят на стене. Снаружи они имели черный корпус, по бокам которого располагались художественно вырезанные из дерева колонки. Сверху на корпусе были три красивых пирамидки, покрытые различными завитушками и шишечками,

а внутри, за открывающейся дверцей, находился сам механизм. В центре располагалось лицо часов – большой белый диск с начертанными римскими цифрами, обозначающими время. В центре циферблата крепились ажурные стрелки – часовая и минутная. Чуть ниже центра справа и слева два отверстия для ключей, которыми эти часы нужно было заводить. Я видел, как дедушка, встав на стул, это делал большим почти «золотым», но черным ключиком. Когда стрелки были внизу, казалось, что часы с усами, а когда наверху, то они чему-то удивлялись. Под циферблатом на широком плоском длинном штоке располагался маятник. Он гипнотически двигался из стороны в сторону.

Часы постоянно тикали и время от времени начинали отбивать время. Сначала раздавался шелестящий звук, затем хрипение, как будто кого-то душат, а когда задушили, раздавался очень чистый и сильный звук боя часов. Бам-м! Били они один раз каждые полчаса и полное количество раз согласно набежавшим часам. Для них не было различия между днем и ночью. Громкие двенадцать ударов раздавались по всему дому как днем, так и ночью. Эти часы были окружены тайной долгой жизни в других местах и станах и похожи на стойкого пожилого человека, полного тайн и секретов, которые умрут вместе с ним. Мой дедушка привез их из Германии после войны.

Вообще мой дедушка был весьма неординарным человеком. Не очень большого роста, он обладал фантастической физической силой и мощной харизмой. В юности он носил на плечах своего коня, происходил из большой и крепкой семьи крестьян, живущих под Рязанью, в которой росло восемь мальчиков. Он был последним и самым маленьким. Я видел фотографию одного из его братьев, сделанную еще до революции. Это был офицер 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского Его Величества полка. С пожалованным дворянством. Этаким высокий красавец с лихо закрученными усами и саблей на боку. Все братья погибли в горниле войн и революций. Дед тоже воевал и был ранен в ногу под Царицыном. Вернувшись в Москву, он стал директором пекарни в Москве, затем заведующим трестом пекарен. В тридцатых годах умные люди перевели его в Красногорск – городок в Подмоскowie. Этим спасли его жизнь и жизнь всего нашего клана. В тридцать седьмом году его поискали-поискали, да и оставили в покое. А перед войной вернули в Москву, и он практически всю войну руководил трестом пекарен и кондитерских производств. После войны его послали налаживать производство хлеба в Германии. Оттуда он и привез часы как подарок от немецких коммунистов. В шестидесятые, когда Хрущев пришел к власти, деда быстро-быстро убрали со всех должностей, потому что он не брал и, соответственно, не давал взятки. Как он сам говорил, глядя на «официальные» лица из кинохроники, которых он хорошо знал: «Сам не брал и этим уродам конверты не давал».

Итак, я сижу на полу спальни на куче из съехавшего покрывала. Мне нужно перебраться в гостиную, куда-то поближе к часам. Спальня представляется мне этаким очень длинным и широким коридором. Справа располагаются диван, какие-то этажерки и полки с книгами. В торце большое окно, за которым виднеются зелень сада и голубое небо. У окна письменный стол. На нем стоят «министерская» бронзовая настольная лампа с плоским зеленым абажуром, тяжелый черный телефон со сплошным, без цифр, диском – «прямой» провод к очень высокому начальству – и чернильный набор из малахита. Это все дедушкины предметы силы и власти. Стол завален научными книгами, журналами, статьями и другими бумагами. Это уже следы родителей. Мои родители – настоящие ученые-исследователи. Папа работает в Институте Гамалея, а мама в Институте Вирусологии.

Слева от меня, сидящего у родительской кровати, виднеется большой побеленный бок печки, еще какие-то полки с книгами, а за ними цель – большой вход в гостиную. Посередине спальни лежит ковровая дорожка. Я не знаю, кто и почему застелил полы по всему дому коврами дорожками, но для меня это просто избавление от синяков на коленках. Ползать по ним можно куда как легче и безопаснее, чем просто по твердому полу. Правда, значительно позже такие дорожки сыграли роковую роль с моим дедушкой. На восемьдесят седьмом году жизни

он жил один, полностью себя обслуживая, в однокомнатной хрущевке. Несмотря на возраст он любил много читать: книги, периодику и научно-популярные журналы. Газеты он не читал, хотя и выписывал. С глазами у него было не очень. Читал дедушка с помощью лупы. И вот однажды он шел от двери к креслу для чтения. На полу лежали такие привычные ковровые дорожки. В одной руке дедушка держал лупу, а в другой – журнал «Наука и жизнь». Ноги запутались в дорожке. Дедушка упал, ударившись виском об угол журнального столика. Травма оказалась несовместимой с жизнью. Так ушла легенда и столп, держащий на своей личности весь Советский Союз.

Это я сейчас, когда стал взрослым, могу четко вспомнить и сформулировать, что где стояло, и описать, как это выглядело. На самом деле в то время, когда я, маленький, совершал подвиг, все это я видел, но не осознавал. Интересно работает наша память! Мы получаем куда больше информации, чем осознаем. Однако вся эта осознанная и неосознанная информация запасается где-то в наших информационных файлах и никуда не девается. Где эти файлы находятся и как хранятся, для меня является совершенной загадкой. Очень может быть, что они вообще уходят в информационное хранилище, расположенное где-то в многомерном пространстве. Где-то там, откуда приходят при зачатии для жизни и куда уходят после смерти наши души. Интересно, что при желании, используя сравнительно несложную технику, всю эту информацию можно получить и внимательно рассмотреть в любое время. Очень интересно посмотреть, что реально происходило с точки зрения моего осознания событий сейчас, а что я понимал и осознавал тогда и что оставалось за «кадром» моего тогдашнего осознания. Я вроде могу смотреть на себя со стороны, рассматривая все детали, а могу войти внутрь себя «тогда» и почувствовать, и увидеть все происходящее изнутри в реальном времени.

Итак, вернемся в себя маленького. Я сижу на куче сползшего вместе со мной покрывала, опираясь спиной о родительскую кровать. А предо мной расстилается длинный путь, обозначенный ковровой дорожкой. Я, конечно, не Элли из «Изумрудного города» и дорожка не желтая, а зеленая с красными полосами по краям, но двигаться по ней надо. Я встал на четвереньки и пополз. Очень хорошо вижу, что передо мной. Вот даже нашел белую пуговицу с остатками оборванных ниток. Ползу дальше. Мебель вокруг воспринимается как большие тени, без особых деталей. Они мне, эти детали, не нужны, а потому и не воспринимаются. Вообще у мозга еще маловато ресурса, поэтому всего лишнего в поле сознания как бы и нет. Ползу дальше и дальше, и вот, наконец, слева появилась другая ковровая дорожка. Я как поезд на стрелке свернул на нее и довольно скоро добрался до входа в гостиную. Тогда ее называли «залой». Вход в залу представлял собой широкий проем в стене без дверей. С двух сторон он был занавешен гардинами из плотной темной материи, обрамленной помпончиками. Сами гардины были снизу подхвачены лентами к боковинам проема. Получались распахнутые занавеси, как в театре. Вот через эти занавеси я и прополз к театру моего действия.

Зала была просто невероятно большая. От спальни до кухни, по диагонали, ее пересекала ковровая дорожка, по которой я и выполз из спальни. Слева от меня располагались комод с телевизором КВН наверху, печка с топкой. В торце залы высился здоровенный двухэтажный буфет. Стекла в дверцах были скошены по краям под углом в сорок пять градусов и превращали белый свет в радугу. Дальше был вход в кухню, а справа от входа располагалась «спина» другой печи, которая топилась дровами из кухни. Печь была покрыта побелкой, под которой находилась обмазка кирпичей из глины. Между печкой и рядом стоящим диваном было достаточно большое пространство, в которое я мог пролезть. И вот там, в невидимом для взрослых пространстве, я предавался нарушению правил. Я отколупывал и частично съедал, а частично просто бросал на пол чешуйки побелки. С одной стороны они были белые от побелки, а с другой красные от глины. Когда все облупленное мной пространство печки открылось сначала физически, а потом и взрослыми, то мои ученые родители решили, что мне не хватает кальция. Они принесли таблетки кальция и простой мел. Я их совершенно спокойно проигнорировал.

Мел хрустел, но по вкусу был совершенно «пустым», там не было глины и микроэлементов и редкоземельных металлов, так нужных для полноценного роста и развития. Так что печку я продолжил «лупить» несмотря ни на что.

Не буду описывать всю обстановку залы. Отмечу только важное. Справа от дорожки, ближе к окну, стоял огромный круглый стол, покрытый дорогой темно-красной скатертью. По периметру она была обшита золотой бахромой с кистями. Скатерть свешивалась тяжелыми, красивыми волнами почти до пола, образуя подстольное пространство, которое меня интересовало и притягивало. И не только меня. Под столом, невидимая для взрослых, на деревянном перекрестье между ножками стола почти всегда сидела кошка Муська. Она была очень важной частью нашей жизни. Вообще она считала себя владелицей всего дома и как королева повелевала как мышами и крысами, так и людьми. У кошки была плотная, лоснящаяся и абсолютно черная шерсть. На ее умном личике, мордочкой его назвать никак нельзя, драгоценными камнями сверкали желто-зеленые глаза и белели шикарные усы – вибриссы. Муська была крупнее обычных кошек, прекрасно сложена, физически и ментально развита. Когда, значительно позже, мне читали «Маугли» Киплинга, в качестве пантеры Багиры я представлял именно Муську. Она подходила под этот образ абсолютно. Ко мне она относилась как к неизбежному фактору, но из подстольного пространства гоняла. Это был ее командный мостик. Кошка постоянно следила за мной и страховала от всяких опасностей. Мне она никаких фамильярностей не позволяла. Если я слишком близко подползал к ней, то она одним точным ударом лапы без выпущенных когтей легко опрокидывала и сшибала с четверенек. И это совершенно не удивительно. Как-то мне бабушка показала трех здоровенных крыс, которых Муська принесла на крылечко при входе в дом – чисто похвастаться.

Я дополз до стола и, подняв скатерть, заглянул внутрь. Муська, как всегда, сидела на перекрестье перекладин. Она внимательно посмотрела на меня и величаво отвернулась. Ага, все в порядке, компонент будущего чуда на месте. Я выполз из-под стола и повернулся направо.

Там, около стены, стояло здоровенное зеркало. Я не знаю, откуда оно появилось в нашем доме и куда потом делось. Но знаю, что это не простое зеркало. Оно было очень большим, обрамленным черной деревянной рамой с художественной резьбой. Стояло зеркало на подопбии узкого столика с четырьмя резными ножками, составляя с ним одно целое. Чем-то оно напоминало по дизайну резьбу футляра часов, которые висели на стене справа. Вместе они образовывали странную гармоничную пару «не отсюда». Из-за почтенного возраста отражение в этом зеркале было не совсем ровным, особенно по краям. Казалось, что отраженная им реальность живет своей жизнью и здорово отличается от реальности обычной. Мама использовала столик перед зеркалом для хранения своей немудреной косметики. Перед этим зеркалом она и наводила макияж. Там, на кружевной салфеточке, лежали цветные карандаши, губная помада и тушь для ресниц. Они и были моей вожаемой целью. Пододвинуть стул, залезть на него и добыть желаемое было слишком долгим и трудным. Что-то внутри меня постоянно подгоняло – «быстрее, быстрее, пока бабушка не вернулась». Так что я по-простому встал на ноги, поднял ручку и, схватив за виднеющийся уголок салфеточки, потянул ее на себя. Сначала я плюхнулся на пол сам, а потом на меня посыпалось все, что было на салфеточке. Салфеточка упала на меня последней. Ура! Я близок к свершению!

Вот так, сидя, я стянул с себя распашонку и начал творить. Я ничего не забыл! Сначала я нарисовал семь больших кружочков вдоль всего тельца, по центру, начиная снизу и кончая макушкой. Рисовал я в основном карандашами для теней, синего и зеленого цветов, и красной губной помадой. Я «знал», вернее видел мысленно, что нужно рисовать разноцветные кружочки. Теперешнее «Я» назвало-бы это цветное разнообразие спектром – красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый. Но что было, тем и рисовал. Потом, когда все вскрылось, бабушку мало интересовали большие круги и линии. Ее заинтересовало, а зачем это я нарисовал аж три красных кружочка на том маленьком отростке, который много

позже должен был вырасти в настоящее «мужское достоинство»? А надо! Это мое персональное отличие от простых мужчин. У них не у всех и один кружок имеется. А у меня – три! После кружочков я нарисовал черным карандашом линии по бокам от центра тельца сверху донизу. Еще я нарисовал зеленые кружочки на многострадальных коленках и, как смог, на локтях. Еще я расположил маленький красный кружочек слева от зеленого, расположенного посередине грудины. Все! Готово!

Я отполз от зеркала к столу. Опираясь на скатерть, встал и развернулся к зеркалу. Левой ручкой я крепко держался за скатерть, чтобы не потерять равновесие и не упасть. Со скатертной поддержкой я смог внимательно рассмотреть отражение в зеркале. То, что надо! Я полностью там отражаюсь. Со всеми кружочками и линиями. Вдруг из-под скатерти появилась голова, а затем и вся тушка Муськи. Она посмотрела на меня, на зеркало и, обойдя сзади, села очень близко справа от меня, стоящего. Уложила хвост вокруг себя и пристально уставилась на наше отражение в зеркале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.